

Ф. В. КАРЖАВИН И ЕГО АМЕРИКАНСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

А. И. СТАРЦЕВ

Во время американской войны за независимость и в первые годы послевоенного существования американской буржуазной республики в США находился русский путешественник, принадлежавший к весьма незаурядным представителям образованного русского общества. Это был литератор и переводчик Федор Васильевич Каржавин

Ф. В. Каржавин родился в 1745 г. в семье московского купца-старообрядца. Обстоятельства его воспитания необычны и позволяют судить о большом разнообразии путей и форм, которыми распространялось просвещение в России XVIII в. Старшие Каржавины — отец Федора Васильевича, Василий Никитич, и дядя, Ерофей Никитич, люди елизаветинского времени, — были «вольнодумцами» в политических и религиозных вопросах. В сохранившемся доносе на них, поданном в 1755 г. в Тайную Канцелярию, Каржавины характеризуются как «богоотступники» и «верных министров и сенаторов ругатели». Судя по показаниям доносчика, их критика направлена против сословно-дворянской монархии в целом: они считают, что государством могут управлять люди «из простаков», причем «лучше, нежели некоторые императорские дети»¹

Ерофей Никитич Каржавин, мечтая о государственной деятельности, стремился получить широкое образование. В России для человека его положения это было исключительно трудной задачей, и он уезжает в Париж для занятий в Сорбоннском университете. Маленького Федора отец первое время сам обучает русскому языку и латыни, а в 1752 г., когда мальчику исполняется семь лет, отвозит его для учения к дяде в Париж. Дядя и племянник живут в Париже на деньги, которые посылает из Петербурга Василий Никитич и посвящают все свое время науке. «Над Федюшей в науке крепкое старание имей», — пишет в 1753 г. Василий Никитич брату и через некоторое время снова указывает: «Робенка прошу всеми мерами, сколько возможно, неослабно обучать». По требованию отца Федор писал ему письма по-русски, по-французски и по-латыни. В колледже Лизье (Collège de Lisieux), куда он поступил, мальчик идет первым учеником и получает награды.

В 1760 г. Ерофей Никитич уезжает в Россию². Пятнадцатилетний Федор остается в Париже, учится в университете и состоит при русском посольстве в качестве студента Коллегии иностранных дел. Каржавин занимается гуманитарными и естественными науками, а также медициной, тщательно следит за научной и литературной жизнью французской столицы и, хотя сильно нуждается, тратит все деньги на составление личной библиотеки. В 1765 г. он едет в Россию вместе с возвращающимся из заграничной командировки молодым архитектором Баженовым, с которым завязывает дружбу на всю жизнь.

В России Федор, по настоянию отца, увольняется из Иностранной Коллегии с маленьким чином «актуариуса». Однако дальнейшие планы старшего Каржавина, желавшего засадить сына за прилавок, наталкиваются на его решительное сопротивление. Он поступает учителем французского языка в семинарию при Троице-Сергиевской лавре. Прослужив там два года, Каржавин переходит в 1769 г. на службу в Экспедицию строения Большого Кремлевского дворца в качестве «архитекторского помощника» под начальством главного строителя дворца В. И. Баженова. На этой должности он остается до 1773 г., занимаясь переводом иностранных книг по архитектуре и разработкой русской архитектурной терминологии. Одновременно Каржавин выдерживает

¹ «Архив князя Воронцова», М., 1871, т. III. Подлинник хранится в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА, VII разд. б. Госуд. архива, д. 1726). Производство Тайной канцелярии по этому делу см. там же.

² Несколько писем Василия Никитича к брату в Париж напечатано П. Пекарским в числе «Исторических бумаг, собранных Константином Ивановичем Арсеньевым» (Сб. отделения русского языка и словесности Акад. наук, т. IX, СПб., 1872). Ерофей Никитич Каржавин, несмотря на полученное им превосходное образование, не сумел добиться возможности приложить свои силы к крупному государственному делу («стать вторым Остерманом», как иронизировал его старший брат, настроенный более реалистично). Он умер мелким чиновником. Е. Н. Каржавину принадлежит первый русский перевод «Путешествий Гулливера» Свифта и специальное филологическое исследование, опубликованное в 1790 г. Ф. В. Каржавиным.

конкурсный экзамен на замещение должности преподавателя французского языка в Московском университете.

Обострившийся конфликт с отцом, который угрожал непокорному сыну тюрьмой, заставил его снова уехать за границу, на этот раз почти бежать от отцовского гнева. Ему оказывают помощь В. И. Баженов и известный заводчик П. А. Демидов. Сперва Каржавин едет в Голландию и в Париж. Затем начинается его большое американское путешествие, затянувшееся более чем на одиннадцать лет; наиболее интересная часть которого относится к пребыванию в Соединенных Штатах, где Каржавин провел пять с половиной лет.

Приехав в 1788 г. в Россию, Каржавин подал в Коллегию иностранных дел официальный рапорт о возвращении на родину:

«В Государственную Коллегию Иностранных Дел от возвратившегося из Америки Актуариуса Федора Каржавина»

Донесение.

В 1773 году отпущен я в иностранные государства с паспортом данным мне из Государственной Коллегии Иностранных Дел 25 дня июня, в которое время она Государственная Коллегия за благо рассудила взять с меня письменное под клятвю обещание чтобы мне возвратиться в свое отечество:—ныне оно исполнивши я лично являюсь в Государственную Коллегию, и как о моем возвращении в Россию, так и о исполнении моего выше сказанного обещания имею честь Государственной Коллегии Иностранных Дел всепокорно донести.

Актуариус Федор Каржавин»

К донесению приложен подробный отчет о путешествии. Сохранились также некоторые другие документы, относящиеся к каржавинскому путешествию и позволяющие осветить его более подробно³.

Американское путешествие Каржавина началось с того, что, оказавшись во Франции без средств к жизни и отчаявшись примириться с отцом, он задумал искать заработка во французских колониях в Америке, чтоб затем вернуться в Россию материально независимым человеком. Однако в течение долгих лет своего странствия он не мог выбиться из бедности и даже не сумел скопить денег на обратный путь в Европу.

Пребывание Каржавина в США распадается на два периода, разделенные четырехлетним промежутком. Первый раз он посетил США в разгар войны за независимость и пробыл там два года и восемь с половиной месяцев (с первой половины мая 1777 г. по январь 1780 г.). Второй раз он приехал в США уже после окончания войны, в начале августа 1784 г. и прожил там два года и семь с половиной месяцев. В 1770 и 1780 гг. он жил также на Мартинике и на Кубе и подолгу находился в плаваниях. Сложные перипетии его жизни в эти годы определялись военной обстановкой. Не являясь формально участником военных действий, Каржавин оказался силой обстоятельств тесно связан с американо-французской стороной в войне.

В сентябре 1776 г. Каржавин выехал из Франции на Мартинику, где поселился в городе Сен-Пьер и поступил учителем в школу. Познакомившись с местным купече-

³ Литература о Каржавине, затрагивающая его американское путешествие, ограничивается сообщением известного библиографа и коллекционера Н. П. Дурова («Русская старина», 1885, т. XII). В 1953 г. в американском журнале «Proceedings of American Philosophical Society» (vol. 97, № 4, p. 350—355) была напечатана статья E. Dvoichenko-Markov. A Russian Traveller to Eighteenth Century America («Русский путешественник в Америке XVIII века»), построенная на материале сообщения Дурова с добавлением некоторых интересных фактов, почерпнутых из американской прессы XVIII в. Часть бумаг Каржавина, относящихся к его пребыванию в Америке, хранится в Ленинграде (Пушкинский дом) в составе Дашковского собрания. Они заключены в кожаный переплет с тисненой надписью на корешке: «Ф. В. Каржавин». Другая часть (из собрания Н. П. Дурова) находится в рукописном отделе ЛОИИ в фонде «Ф. В. Каржавин». В числе каржавинских бумаг — уже упомянутый отчет о путешествии, официальные документы (пропуски и пр., удостоверяющие правильность его отчета), дневники Каржавина, а также переписка с отцом и корреспондентами во Франции и в Америке. Экземпляр отчета, напечатанный Н. П. Дуровым в «Русской старине», очевидно, утрачен. Я пользуюсь другим, более содержательным вариантом (из собрания Дашкова), который носит название «Сказка, показующая вкратце в какое время и в каких местах я находился». Это автограф Каржавина на четырех листах писчей бумаги. На полях надпись по-русски: «Не бросать» и по-французски: «Здесь имеются даты отсутствующие в другом экземпляре». В дальнейшем, при ссылке на документы, я обозначаю первый из указанных каржавинских фондов — Каржавин, I и второй — Каржавин, II.

ством, он решил принять участие в сулившем большую купеческую прибыль провозе товаров в блокированные английским флотом восставшие американские колонии. 13 апреля 1777 г. Каржавин отплыл из Сен-Пьера на зафрахтованном французскими купцами торговом судне «Ля Жантий», в фальшивых судовых документах которого было обозначено, что оно направляется на французский остров Микелон в заливе святого Лаврентия. «Дабы нам способнее было вдоль американских берегов ехать без подозрения от англичан...», — как поясняет Каржавин в своей «Сказке»⁴. В письме к отцу, отправленном накануне отъезда, Каржавин подробно характеризует предпринятую им экспедицию. «Поеду в Новую Англию, — пишет он, — в Виргинию, а может быть, в самую Филадельфию. Надеюсь возвратиться на остров Мартинику через 4 месяца, ежели к Старым англичанам в плен не попадусь». Каржавин сообщает, что экспедиция опасна и корабль, на котором он плывет, вооружен; в случае столкновения с англичанами он уполномочен судовладельцами «быть на оном корабле военно-начальным человеком». В том же письме Каржавин рассказывает, что везет в блокированные американские колонии вино, водку, патоку и соль; из Виргинии же повезет табак⁵. Плавание Каржавина и его спутников оказалось, как он и предвидел, трудным и опасным. Им пришлось трижды столкнуться с английскими военными кораблями и только 8 мая 1777 г., на двадцать шестой день путешествия, их судно прибыло в порт Гэмптон в устье Джеймс-Ривер в Виргинии.

Предприятие Каржавина заняло не четыре месяца, как он предполагал, а около двух лет. В феврале 1779 г., когда его судно двинулось из Гэмптона в обратный путь на Мартинику, оно было захвачено англичанами, которые ссадили экипаж на берег и увели корабль с конфискованным грузом в Нью-Йорк (Нью-Йорк до конца войны находился в руках Англии). Каржавин предпринял отчаянную попытку вырвать корабль и груз и в течение двух месяцев бродил по охваченной войной стране, пересекая линию фронта и подвергаясь всевозможным опасностям и лишениям. Он очень выразительно пишет об этом в своей «Сказке»:

«Однако думая сыскать помощь в Бостоне, исполнен русским неунывающим духом, к удивлению всех знакомых пустился я пеший в путь с сумою на плечах, питаюсь солдатским казенным хлебом по билету яко военнопленник, пострадавший от Англичан, и дошел в 23 дня с паспортами Министра и Консулей французских до Бостона, где пробыл только двое суток и не застав того Мартиниканца, от коего я надеялся получить помощь, возвратился я в 19 дней в Филадельфию, претерпев величайшую нужду, быв два дни слеп от преломления солнечных лучей на снегом покрытые поля, и в опасности как от Англичан, так и от самих Американцев, которые меня почли шпионом на заставах, по тому что я весьма малое время пробыл в Бостоне, имея на себе пакеты письменные как из Филадельфии в Бостон, так и из Бостона в Филадельфию, и шел я не по большой фурманной дороге, но по линии, разделяющей их от неприятеля, и сквозь Вашингтонову армию»⁶.

29 апреля 1779 г. Каржавин снова прибыл в Виргинию. Оставшись без всяких средств и не имея возможности возвратиться на Мартинику, он поселился в Вильямсберге, столичном городе Виргинии и поступил приказчиком к французскому купцу. В мае англичане высалили десант в Виргинии и подвергли опустошению прибрежные районы. Вместе с местным американским населением Каржавин скрывался в лесах до ухода английских войск. Он оставался в Виргинии до конца 1779 г., выполняя торговые поручения своего хозяина, а также занимаясь преподаванием иностранных языков. В этот период Каржавин завязал многочисленные знакомства в виргинской сто-

⁴ Каржавин, I, л. 7.

⁵ Каржавин, II, 146/7, лл. 12—13. Письмо от 1 апреля 1777 г.

⁶ Каржавин, I, л. 8. Сохранились три удостоверения личности, служившие Каржавину пропусками во время его путешествия по США в феврале — апреле 1779 г. Первый документ на бланке французского посольства в Филадельфии за подписью и печатью французского полномочного министра Александра Жерара (Gerard) выдан 27 февраля 1779 г. сроком на четыре месяца «Теодору Каржавину, учителю иностранных языков, следующему по своим личным делам в Бостон, чтобы оттуда возвратиться в Виргинию» (там же, л. 143). Второй документ, с которым Каржавин возвращался назад, был выдан 13 марта того же года в Бостоне Жозефом де Вольне (de Volnais) — «французским консулом в колонии Массачузетс» (там же, л. 144). В нем указывается, что Каржавин направляется в Виргинию через Филадельфию и Балтимору. Третий выдан ему в Балтиморе 21 апреля 1779 г. шеваля Д'Анмуром (D'Anmour) — французским консулом в колонии Мэриленд (Каржавин, II, 146/7, л. 2).

лице и стал известен в американских правительственных кругах. В январе 1780 г. он покинул США и вернулся на Мартинику на военном французском корабле.

Со вступлением Франции в войну на стороне американских колоний Мартиника стала крупной французской военно-морской базой. Каржавин вскоре поступил на службу во французское адмиралтейство в качестве переводчика с русского и славянских языков⁷. Одновременно он перепробовал много других занятий в надежде заработать достаточно денег, чтобы вернуться в Россию. В начале 1782 г., взяв полугодовой отпуск в Адмиралтействе, он предпринял вторую поездку в Виргинию, на этот раз на американском судне.

Для своего путешествия Каржавин составил себе фиктивный паспорт на имя русского доктора и капитана Ивана Баха, который подписал сам в качестве официального лица. Документ сохранился в подлиннике.

«Всем и каждому, кому о том ведать надлежит.

Аз нижеписанной, Переводчик, Агент для российского народа при Адмиралтействе Мартиниканском, свидетельствую, что Иван Бах, российский доктор и Капитан, родился в Петербурге, путешествует с позволением Российского двора, и по указу Императорского Московского Университета; для примечаний касающихся до Географии, Физики и Натуральной истории и что находясь в Мартинике он объявил мне что он хочет ехать в Матиорую Америку и тамо пробираться до морских берегов, кои лежат на Западе Канадианской земли, дабы ему возвратиться во свое отечество через архипелаг святого Лазаря и 1/2 остров Камчатской. Того ради, видя пользу коя воспоследует ученому свету от толико смелого предприятия, прошу всех и каждого пропускать свободно, реченного доктора и капитана Ивана Баха и давать ему всякую помощь и защищение. В Мартинике 1-го дня февраля 1782-го года.

*Федор Каржавин*⁸.

Не трудно догадаться, что эта уловка должна была обезопасить Каржавина на случай, если корабль попадет в руки англичан (так и случилось). В качестве лица, состоящего на французской службе, он рассматривался бы как военнопленный, назвавшись же русским «доктором и капитаном», путешествующим с научной целью, он мог рассчитывать на льготы, полагающиеся подданному нейтральной державы.

На этот раз обстоятельства еще менее благоприятствовали Каржавину, чем в первом путешествии. Он побывал в плену у англичан, был освобожден, пробовал перейти в Нью-Йорке на американский берег Гудзона, но был вторично задержан английскими военными властями и выслан, после чего уехал на Антильские острова, сперва в Сан-Доминго, затем на Кубу и прожил в Гаване до конца войны, занимаясь врачебной практикой и преподаванием иностранных языков.

По окончании войны Каржавин, по-прежнему не имевший денег, чтобы вернуться на родину, поехал в Соединенные Штаты. 5 августа 1784 г. он выехал с Гаваны и 4 сентября прибыл в Нью-Йорк; оттуда через Филадельфию направился снова в Виргинию и поселился близ города Смитфильда, где преподавал иностранные языки в школе в свое предыдущее пребывание в США. Здесь он продолжал заниматься врачеванием, а через семь месяцев переселился в Вильямсберг, где зарабатывал на жизнь, работая переводчиком во французском консульстве. Каржавин прожил в Виргинии до апреля 1787 г., когда ему удалось, наконец, договориться через русское посольство в Париже со своими родственниками в Петербурге и получить от них деньги на оплату проезда в Европу. После недолгого пребывания в Париже он выехал в Россию.

Дальнейшая судьба Ф. В. Каржавина такова. Он вернулся в Россию в годы все обостряющейся екатерининской реакции и попал в число политически подозрительных лиц как друг опального Баженова и человек, проживший долгое время в буржуазной республике. Попытки Каржавина поступить на государственную службу оставались

⁷ Интересные обстоятельства получения Каржавиным этой должности выясняются из его письма во Францию к некоему Бару. «В прошлом месяце (т. е. в марте 1780 г.— А. С.),— пишет Каржавин,— я был назначен переводчиком колонии по русскому и славянскому языку в связи с захватом мартиниканским корсаром английского судна, капитан которого утверждал, что он был отправлен из России русским арматором. Я видел предъявленные им бумаги; это были старые русские рукописи и печатная книга, не имевшие никакого отношения к его кораблю. Я представил свое заключение в Адмиралтейство, капитан был осужден и корабль объявлен призовым». (Каржавин, I, ненум. лист. Письмо от 15 апреля 1790 г., на франц. яз.).

⁸ Каржавин, I, л. 150. На следующем листе тот же текст воспроизведен по-английски и по-французски.

безуспешными, и он зарабатывал на жизнь случайным литературным трудом, выпуская переводы, компиляции и пособия по изучению иностранных языков⁹. Есть сведения о его попытке выехать в Париж в годы французской буржуазной революции. В 1797 г., после смерти Екатерины II, Каржавин по протекции Баженова, занявшего при Павле I видное положение, был принят переводчиком в Адмиралтейскую коллегию, где и служил до самой смерти (1812 г.). Каржавин собрал большую библиотеку. Книги из этого собрания имеются во всех наших крупных книгохранилищах; они примечательны «вольнодумными» политическими комментариями на полях. Русское искусство обязано Каржавину сохранением рисунков В. И. Баженова и выдающегося русского художника XVIII в. И. А. Ерменева.

* * *

Ф. В. Каржавин придавал большое значение своему американскому путешествию. По возвращении на родину он неоднократно, по разным поводам, вспоминал о пребывании в Америке. Так, не называя своего имени, он пишет:

«Между тем, как некоторые Сибирские торговцы искали на Востоке от Камчатки распространить меховую торговлю до самых западных берегов Америки, один из наших соотечичей, человек любопытный и знающий, пускается в 1776 году по Океану Атлантическому, и, направляя путь свой на Юго-Запад, выходит на берег в Вест-Индии по тридцати пяти дневном переезде, оттуда продолжает путь до матерой Америки, и возвращается в отечество свое не прежде 1788 года, объездивши как водою, так и сухим путем разные страны, лежащие вдоль восточного берега сего пространного материка. Сей Россиянин есть первый из нашего народа человек, который двенадцати летнее жительство имел в тех отдаленных странах; и должен был видеть их примечательными глазами в чем много способствовали ему нешастия его»¹⁰.

Каржавин, однако не издал книги о своем американском путешествии, и об этом следует пожалеть. При разносторонности его знаний и интересов и несомненном своеобразном литературном даровании такая книга послужила бы важным источником для характеристики как русской, так и американской жизни XVIII в. То немногое, что сохранилось в рукописях и письмах Каржавина и рассеяно в случайных примечаниях и пояснениях к его сочинениям и переводам, позволяет судить об этом с достаточной уверенностью.

Я коснусь здесь тех материалов американского путешествия Каржавина, которые относятся к его пребыванию в Соединенных Штатах.

Каржавин был не только первым русским путешественником, посетившим США, но одним из немногих европейцев, которые в этот ранний период истории Соединенных Штатов детально и глубоко изучили страну, ее природу, государственный и частный быт американцев.

В первый приезд в США в 1777 г. он объехал всю Виргинию, подолгу задерживаясь в различных городах и поселках. В феврале 1779 г. после конфискации его судна и имущества английским военным кораблем, Каржавин предпринял зимнее путешествие через всю страну из Северной Каролины до Бостона (около 1000 км). Значительную часть пути он прошел пешком. Обратный путь в Виргинию он проделал по воде и верхом. Спасаясь от английского десанта, весной 1779 г. Каржавин жил у индейцев и познакомился, таким образом, с американскими аборигенами, которых белые колонисты оттеснили в глубь лесов¹¹. В свой второй приезд в США Каржавин снова проехал по всей стране из Нью-Йорка через Филадельфию в Виргинию. В Виргинии он жил в Смитфильде, Питерсберге и Вильямсберге, бывал в Ричмонде и других городах. Каржавин пишет о себе, что осматривал все, что ему встречалось «российскими, то-есть острыми и примечающими глазами»¹², «узнал громадную страну и узнал хорошо»¹³.

⁹ В своей литературной деятельности Каржавин был связан с Н. И. Новиковым — в журнале «Зритель» он начинал печататься еще в 1773 г. Также заслуживают внимания его связи и с книгопродавцем и издателем Зотовым, который продавал «Путешествие из Петербурга в Москву» и привлекался в 1790 г. по делу Радищева.

¹⁰ «Французские, российские и немецкие разговоры, в пользу начинателей... изданные Ф. Каржавиным», СПб., 1803, стр. 64. Это автобиографическое высказывание дается Каржавиным среди текстов для учебного чтения.

¹¹ Каржавин, I, нenum. лист. Письмо к Бару от 15 апреля 1790 г. (на франц. яз.).

¹² Там же, л. 8.

¹³ Там же, нenum. лист. Письмо к Бару от 15 апреля 1790 г.

Некоторые из американских заметок Каржавина отражают его естественно-научные интересы. Это природоведение в духе столь распространенного в XVIII столетии просвещенного дилетантизма. Две интересные зарисовки такого рода, относящиеся к наблюдениям над змеями в Виргинии, помещены в примечаниях к одной из изданных Каржавиным книг, не имеющей отношения к его американскому путешествию¹⁴.

Однако в печатных сообщениях Каржавина о его американском путешествии нет даже самых беглых откликов на политические события, свидетелем и участником которых он был. Ни словом он также не упоминает о своих встречах и знакомствах.

Между тем можно с полным правом сказать, что все эти годы были для Каржавина временем активной деятельности и ярких политических впечатлений¹⁵.

Неизбежно возникает ряд существенных вопросов. С кем был связан Каржавин в течение своего пребывания в восточных колониях? Как он относился к борьбе американцев за независимость и буржуазно-демократическую республику? Какими путями шла духовная жизнь этого умного и образованного русского человека, очутившегося вдалеке от родины, в чужой стране, охваченной пламенем революционной войны? Исчерпывающего ответа на эти вопросы пока дать нельзя. Однако знакомство с личными бумагами Каржавина позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

То, что нам известно о политических взглядах Каржавина, недостаточно, чтобы характеризовать его, как сторонника буржуазной революции. Он нигде не развивает систематической и последовательной критики феодально-крепостнического порядка и не призывает к его ниспровержению. Однако прикосновенность Каржавина к антиабсолютистским и буржуазным революционным идеям несомненна. В книгах из библиотеки Каржавина имеются сделанные его рукой и относящиеся к тем же 1790-м годам резкие и «кромольные» высказывания, касающиеся Екатерины II и Потемкина. В бумагах Каржавина хранится переписанный текст «Марсельезы». Правда в письме к жене, написанном почти через десять лет после возвращения в Россию, Каржавин отвергает высказанное ею предположение о его сочувствии идеям буржуазной революции и заявляет, что будь это так, он остался бы жить в США («Мадам находит нужным приписывать мне сочувствие свободе и равенству,— пишет он.— Если бы это было так, я никогда не уезжал бы из Америки. Я мог стать там профессором подобно господину Беллини. Все знали меня там и любили...»¹⁶). В одном из писем из Америки, оправдываясь перед отцом, он заявляет также, что «Каржавины никогда Пугачевыми не были»¹⁷. Однако эти заверения Каржавина в несочувствии антифеодальной и антиабсолютистской революции, сделанные в официальных документах и подцензурных письмах, надо принимать с учетом всех обстоятельств, требовавших от него подтверждения своей политической благонадежности.

В «Сказке» Каржавин усиленно подчеркивает мотивы коммерческого интереса в

¹⁴ См. переведенное Каржавиным «Описание хода купеческих и других караванов в степной Аравии...», СПб., 1790, стр. 139, 142. Он сравнивает свои наблюдения с наблюдениями известного английского натуралиста начала XVIII в. Марка Кейтсби (Catesby), написавшего книгу о природе Северной Каролины, Виргинии и Флориды. Другое любопытное наблюдение Каржавина касается домашней выварки в Северной Америке сахара из «кленовицы». (См. «Сокращенный Витрувий или совершенный Архитектор. Перевод Архитектуры-Помощника Федора Каржавина», М., 1789, стр. 88). «Для чего бы нашим русским бабам не сделать сахара из березовицы, когда американки вываривают оный из кленовицы?»,— пишет Каржавин (там же).

¹⁵ Достаточно сослаться на его дневниковые записи 1782 г., касающиеся пребывания в Нью-Йорке. Вот некоторые из них: «La ville Йорк на острове, при устье реки Северной, на левом ее берегу; а на правом есть форт прежде быв Вашингтона, а ныне Клинтон; есть другая река, называемая Est-River, на ней то стоят тюремные корабли (речь идет о судах, на которых содержались военнопленные.— А. С.); на острове des Etats и на острове Долгом есть крепости, которые командуют над междунаходящимся узким каналом; опасно кораблю неприятельскому проехать; однако течение столь сильно тут, что корабль проедет без дальнего вреда; кругом Йорка линии и крепости; на островах Штатском и Долгом тоже; но солдат не довольно; все почти немецкие полки; солдаты весьма недовольны; все желают, чтобы французы пришли, дабы иметь способ к ним уйти». (Каржавин, II, 146/9, л. 4). Там же Каржавин сообщает, что через поляка Чубовского, участника Барской конфедерации, оказавшегося на службе у англичан, он завел знакомства в немецких наемных полках. В частности он нашел там некоего Захара Ивановича Бобуха, уроженца Ревеля, бывшего ювелира при петербургском дворе, отлично говорившего по-русски.

¹⁶ Каржавин, I, нунум. лист. Письмо от 27 апреля 1797 г. (на франц. яз.).

¹⁷ Каржавин, II, 146/6, л. 17.

своих взаимоотношениях с восставшими американцами и в этом плане критикует порядки в США при буржуазном строе. Он жалуется на обесценение американских денег из-за инфляции: «...В 8 месяцев я нажил до 3000 рублей бумажных, которые я в Россию вывез, яко документ общего банкротства Американкой неосновательного и безвластного правления»,— пишет он. Вторая жалоба относится к периоду после окончания войны. Он пишет, что американцы, «потеряв свою честь и совесть при бумажной монете, оных не нашли при серебрянных деньгах»¹⁸. Каржавин имеет в виду отсутствие законности в США в период войны за независимость, а также «беспардонные» коммерческие нравы американцев, поражавшие европейских наблюдателей.

В то же время он намеренно загушеживает свои личные связи в американской буржуазной республике и те свои действия, которые способствовали американцам в их борьбе за независимость¹⁹. Бумаги Каржавина позволяют установить два факта, указывающие на его бесспорные связи с американскими буржуазно-революционными кругами в годы пребывания в США. Первый из них — это близость с Беллини, о котором Каржавин говорит в цитированном письме к жене. Офранцуженный итальянец Беллини был приглашен в 1779 г. в Вильямсберг Томасом Джефферсоном для преподавания в виргинском университете. Это был первый срок пребывания Джефферсона на посту губернатора Виргинии, и он использовал его, в частности, для борьбы с теологической традицией в виргинских образовательных учреждениях и модернизации «Колледжа Вильяма и Мэри» в Вильямсберге в духе новейшего научного знания. Беллини занял организованную в университете кафедру новых языков. Он был другом Джефферсона его постоянным корреспондентом и близким ему идейно человеком, о чем можно в частности, судить по тому, что Беллини адресовано известное письмо Джефферсона из Парижа от 30 сентября 1785 г., содержащее резкую критику общественного неравенства и социальной несправедливости во Франции при «старом порядке»²⁰. Близкие отношения Беллини и Каржавина удостоверяются дружеским тоном сохранившегося в каржавинских бумагах письма Беллини к нему, написанного уже после отъезда Каржавина из США²¹. Каржавин, посвящая Беллини напечатанный им в 1789 г. естественно-научный этюд, также отмечает свою личную и идейную близость с ним²². Дружба с другом и единомышленником Джефферсона, одного из крупнейших руководителей и идеологов американской буржуазной революции, едва ли была бы возможна при отрицательном отношении к «свободе и равенству», которые Каржавин себе приписывает.

Из упомянутого письма Беллини выясняется, что круг виргинских знакомых Каржавина включал таких видных деятелей американской революции, как Джордж Уайз (Wythe), профессор юриспруденции в «Колледже Вильяма и Мэри», один из наиболее образованных представителей американской просветительской интеллигенции, принадлежавший к числу лидеров буржуазно-революционного движения, и Джеймс Мэдисон (Madison), видный виргинский политический деятель периода войны за независимость (в дальнейшем президент США после Джефферсона).

Другой весьма интересный факт, характеризующий американские связи Каржавина,— это предполагавшаяся, по его словам, посылка его в Россию со специальной дипломатической миссией от восставших американских колонистов. В письме к отцу Каржавин пишет: «Лет тому 6 или 7 будет как я жил на коште виргинского правительства месяцев 6 в Вильямсбурге с намерением быть посланным к Российской государыне от американского Конгресса с публичным характером в то время как оне отправили доктора Франклина к королю Французскому полномочным министром, но обстоятельства военные, некоторые перевороты в американских делах, памятованье, что я был у вас не в милости и страх от российского министра Панина, ежели бы я

¹⁸ Каржавин, I, лл. 9, 12.

¹⁹ В упоминавшейся выше американской статье о Каржавине сообщается, что на корабле, приведенном Каржавиным в Вильямсберг в мае 1776 г., помимо продовольствия, было оружие и порох для американцев, и высказывается предположение, основанное на материалах виргинской прессы того времени, что Каржавин принимал участие в создании французской воинской части из жителей Мартиники и Сан-Доминго в помощь армии Вашингтона (Е. D v o i c h e n k o - M a r k o v. Указ. соч., стр. 351—352).

²⁰ См. «The Papers of Thomas Jefferson», vol. 8, 1953, p. 568—570.

²¹ Это письмо из Вильямсберга от 1 марта 1788 г. служит ответом на письмо Каржавина от 6 ноября 1787 г. и адресовано «Г-ну Доктору Федору Каржавину» (Каржавин, I, лл. 176—177, на итал. яз.).

²² «Description du Pou, vu au microscope», par Pheodore Karjavine, A Carouge, 1789.

русской человек, послан был ко своей государыне в публичном звании от иностранной короны и проч. причинили мне предпочесть возвратиться в Мартинику...»²³.

Сколь ни неожиданен этот факт (на который нет указаний в американских источниках), сомневаться в его подлинности не приходится. Известно, что американцы пристально интересовались отношением к ним России, опасаясь, в частности, того, что Англия сможет получить у русской императрицы военную помощь (Георг III дважды просил поддержки у Екатерины II, но получил отказ). Послать с дружественной миссией в Петербург русского человека, знакомого с обстановкой в США, было, конечно, очень соблазнительно. Трудно думать, что американские буржуазные революционеры избрали бы для столь ответственного поручения человека, не расположенного к ним. Касаясь некоторой странности такого импровизированного дипломатического предприятия, следует сказать, что американцы в этот период, не всегда к выгоде для себя, пренебрегали установленными формами международно-дипломатических отношений. Упомянутый Каржавиним факт должен относиться к кануну его первого возвращения из Виргинии на Мартинику, то есть к губернаторству Джефферсона. Можно указать по этому поводу, что в 1778 г. виргинскими властями был рекомендован Конгрессу для выполнения финансово-дипломатического поручения в одном из европейских государств сосед Джефферсона по имени итальянский врач и агроном Маццей (он поехал впоследствии с полномочиями одного лишь виргинского правительства). Маццей был близким другом Беллини. В этом кругу разнонациональной буржуазно-демократической и антиабсолютистской интеллигенции в Вильямсберге, поддерживавшем постоянную связь с Джефферсоном, как видно, вращался и Каржавин.

Опасения его по поводу предполагавшейся миссии были вполне основательны. Помимо того, что Екатерина II относилась враждебно к американским буржуазным революционерам, вопрос о признании США оставался на протяжении всей войны за независимость и даже по ее окончании одним из острейших вопросов европейской политики. Американский посол Френсис Дэйна, приехавший в Россию в 1781 г. с официальными полномочиями Конгресса, как известно, прожил в Петербурге два года, не будучи допущен ко двору, и уехал, так и не вручив императрице свои верительные грамоты. Каржавина в случае его появления в качестве представителя американских «инсургентов» могли ожидать тяжелые неприятности.

Есть много других обстоятельств пребывания Ф. В. Каржавина в США, представляющих также значительный интерес. Так, известно о его издательских начинаниях в Виргинии, о том, что Каржавин специально интересовался организацией обучения в «Колледже Вильяма и Мэри» в Вильямсберге и захватил с собой в Россию подлинный устав университета. Есть сведения о его агрономических опытах в Виргинии. Очевидно, от Каржавина исходила инициатива разведения на виргинских плантациях волжского табака. Об успехе этих опытов сообщает ему в цитированном письме Беллини.

Следует подчеркнуть, что Каржавин был трезвым наблюдателем и не оставался слепым к тому отрицательному, что он видел в американской жизни. С возмущением он писал о рабстве в США, которое позорило американскую буржуазную республику в глазах всех передовых людей в Европе и в России: «...Все берега Африканские и Американские стонут от бесчеловечия, с которым сахарные промышленники поступают с черноцветными народами»²⁴.

В письме Беллини есть фраза, позволяющая высказать уверенность, что Каржавин готовился издать книгу, специально посвященную своему американскому путешествию. «Скоро ли публика увидит североамерикано-каржавинский дневник» (*il giornale Nort-america — Karjaviniano*), — спрашивает Беллини. Как видно, ему были известны вполне определенные литературные планы Каржавина по этому поводу. Судя по характеру американских материалов, сохранившихся в бумагах Каржавина, можно считать вполне вероятным, что он вел дневник в течение всего своего путешествия или, во всяком случае, заносил на бумагу наиболее интересные из своих впечатлений²⁵. Судьба этой рукописи неизвестна. Быть может, дальнейшие поиски в архивах помогут ее обнаружить.

²³ Каржавин, II, 146/6, л. 16. Письмо из Питерсберга в Петербург от 1.IX.1785 г.

²⁴ Ф. В. Каржавин. «Новоявленный ведун...», СПб., 1795, стр. 85.

²⁵ Сохранившиеся дневниковые записи Каржавина с 20 февраля по 6 августа 1782 г. носят систематический и упорядоченный характер.

